

*Памяти моих родителей
Игоря и Елены Лебедевых,*

*а также
дяди Николая Лебедева,
погибшего на фронтах
Великой Отечественной
6 апреля 1945 года,*

посвящаю...

I. Беглец

●●●Николай внезапно замер и посмотрел ему прямо в глаза — строгие, жесткие, заносчивые.

Помедлил несколько секунд. Потом взял кисть, размахнулся что есть силы и острым тыльным концом попал прямо в черную точку посередине глазного яблока. Холст с треском разошелся. Он проткнул его с новым, торжествующим чувством, перемешанным с ненавистью, которую давно испытывал к этому человеку.

Николай долго крутил кисть, расширяя дыру, потом схватил с колченогого столика банку с черной краской и выплеснул в лицо Гитлера.

Брызги разлетелись во все стороны. Краска поползла вниз, скрывая лицо: и усики, и тонкие губы под ними. Казалось, одноглазый Гитлер брезгливо морщится, продолжая буравить Николая взглядом из-под косой челки.

Николай осмотрелся по сторонам. На него глядели со всех сторон солдаты, улыбающиеся лица бюргеров, гитлеры в разных позах. У гитлеров был мрачный, высокомерный, но в то же время ироничный вид.

А за окном, закрытым ржавой, но прочной решеткой, по-прежнему полыхало. Вспышки молний высвечивали полдюжины фюреров, надменно-осуждающе глядящих на Николая с неоконченных портретов.

«Сегодня или никогда. Уж лучше погибнуть, чем гнить в этом проклятом месте».

А ведь где-то идет война, и он еще нужен. И может, он сможет добраться до линии фронта, до своих. А если не сможет, если его убьют при попытке к бегству? Что ж... В конце концов, он уже нарисовал то, что ему было суждено нарисовать, — он создал Фреску. Никакие силы не смогут стереть ее.

А вот то, что он нарисовал помимо Фрески, вынужден был нарисовать, надо уничтожить здесь и сейчас. Не откладывая. В эту самую ночь — 6 апреля 1944 года.

И он принялся уничтожать все, что находилось в мастерской. Бесшумно и методично. Николай остановился лишь тогда, когда все плакаты и картины, все плоды его подневольных трудов были залиты краской, исполосованы, превращены в хлам.

Фигуры ладных, статных арийцев в униформах скрылись под огромными неряшливыми кляксами. Что же касается лица фюрера, то Николай замазывал его на всех плакатах отдельно, держа в изуродованной руке малярную кисть.

Потом он в мелкие клочки изорвал фотографии, которые приносил ему Молот. На всех этих фотографиях был изображен Гитлер в скульптурных позах. Гитлер улыбался. Гитлер смотрел сурово. Гитлер склонялся к страждущей толпе с видом ментора. Монстр. Убийца.

Николай оглядел помещение. Сжечь бы все это к чертовой матери!.. Но огня нет, только краска под

рукой — вязкая, холодная. Чего-чего, а краски тут было достаточно. Молот обо всем позаботился.

Прошлой осенью Молот пытал его несколько недель, а потом стал дробить ему пальцы — один за другим. Он бил молотком с оттяжкой, умудряясь расплющивать только один палец, не задевая остальные. Так можно было пытаться дольше. И когда Николай понял, что, если это не остановить, он никогда больше не сможет держать в руках кисти. И он сдался. В конце концов изобразить фюрера на холсте — это не самое большое предательство.

Рука до сих пор не зажила и болит, болит. И уже непонятно, краска это на грязных бинтах или же кровь.

Взгляд его упал на изображение святого. Эскиз Фрески. Святой глядел на Николая просто и строго.

Николай сгреб кисти, в последний раз оглядел мастерскую и разбил лампочку. Теперь бежать!

* * *

Лагерь военнопленных раскинулся на склоне холма посреди негустого леса. Его возводили сами заключенные на месте заводика для горных разработок. К тяжелым воротам вела разбитая дорога. Ощерившаяся колючей проволокой охранный башня высилась у входа. Рядом стоял домик для офицеров.

Баракы же располагались аккуратными рядами, стекая вниз по склону к горной разработке, и заканчивались у самой скалы. Вдоль скалы тянулась узкоколейка, по которой заключенные толкали небольшие тяжелые вагонетки с рудой. Некоторые заключенные умирали прямо здесь, падая на шпалы.

По периметру лагеря выстроили забор в несколько рядов. Прозрачный и непреодолимый. Вышки с прожекторами стояли по углам забора, еще несколько

в сторону, их испуганный мутный свет выхватывал из темноты грязные стены бараков, разбитые колеи внутренних дорог и дрожащую на ветру колючую проволоку ограждений.

Охранники вымокли насквозь и потому прятались в теплых каптерках. Только несколько скрюченных фигур — то ли самые добросовестные, то ли самые упрямые — бродили вдоль бараков, подбрасывая на плече сползающие винтовки.

Самое время попробовать выбраться наружу. Если наутро его застанут здесь, в мастерской, то при виде разора, который учинил Николай, его убьют. Надо сбросить засов с двери.

Николай сломал несколько кистей и уже было подумал, что его затея на сегодня провалилась, когда наконец удалось поддеть засов деревянным концом кисти.

Засов сорвался с держателей и шлепнулся наземь. Дверь отворилась.

Николай перевел дух, прислушался. Собрался с силами и выскользнул наружу.

Прямо, теперь направо. Теперь еще тридцать шагов до открытого места. Потом надо пересечь его — как можно быстрее, пока не увидели часовые.

Николай шел навстречу звукам патефона. Можно было бы подумать, что он безумец, если не понимать всю точность и безошибочность его плана.

Если идти задворками, то непременно напорешься на охрану. Задворки охранялись тщательнее. А эта часть лагеря, которая, казалось, у всех на виду, — нет.

Путь пролегал мимо офицерской столовой, где вечерами надсмотрщики делились свежими новостями, пили пиво и иногда играли в карты. На крыльце всегда толпились люди. Но не сегодня. Сегодня даже сторожевые овчарки оставались на псарне: их

* * *

Куда он шел? Он и сам не знал.

Он двигался по негустому пролеску, понимая, что попытка, хоть и удалась, была напрасной. И все равно испытывая яркий, почти детский восторг. Если бы он мог, он бы взмахнул руками и взлетел. Хоть на мгновение — просто для того, чтобы ощутить забытый вкус свободы.

Если повезет, выйдет к какой-нибудь деревне и узнает путь на восток. Простые немцы не ненавидели советских, иногда даже помогали — Николай слышал о таком.

Если идти на восток, обходя крупные города и прячась, можно дойти до фронта. Это будет чудо, но чудеса ведь случаются.

Если дойти до фронта и пересечь его, то окажешься у своих. Эта мысль сейчас не казалась Николаю столь уж абсурдной и несбыточной.

Просто надо идти. Дорогу осилит идущий.

За хриплым своим сбивающимся дыханием и за своими думами Николай не сразу услышал, как что-то совсем рядом взревело и выкатилось на опушку — огромное, гремящее, ударившее в лицо фарами.

Николай развернулся и бросился было прочь, но остушился: силы покинули его, и он плашмя рухнул в дорожную яму, до краев наполненную водой.

Из старого грузовика вышел человек в капюшоне. Один глаз его был закрыт черной тряпицей. Человек осторожно подошел к Николаю и склонился над лежащим. Потом носком сапога ткнул изуродованную, в грязных бинтах, руку с зажатыми в ней кистями.

Но Николай уже ничего не почувствовал.

2. Волгин

Берлин лежал перед ним как на ладони. Он был похож на макет, которые Игорь рассматривал в музее в детстве. И брата Кольку водил, чтобы тот тоже посмотрел. Благо музей был в трех кварталах от дома.

Колька в детстве был рассеянным и часто уходил в фантазии, он никак не мог сосредоточиться на чем-то конкретном. Одно слово — мечтатель.

Но когда Колька видел макеты или какие-нибудь интересные предметы, его будто подменяли. Он становился покладистым и увлеченным. У него загорались глаза.

Волгину нравилось такое состояние брата. В эти минуты им было легче управлять. Не в плохом смысле — но должен же младший брат слушаться старшего. И Волгин с детства пытался добиться этого.

Колька слушался Волгина только в музеях. Уставится на картину и оторваться не может. Встанет у макета какого-нибудь старинного поместья и стоит как вкопанный.

Наверняка и сейчас застыл бы соляным столбом.

Отсюда, с высоты шестого, что ли, этажа (Волгин так трудно добирался наверх по разрушенным

лестницам, что даже не взял на себя труд сосчитать, сколько в здании этажей) можно было разглядеть город во всех деталях. Вот только мешал дым пожара, который скрывал отдельные кварталы.

Невозможно было поверить, что это и есть столица гитлеровского рейха. Четыре года — с того самого дня, как фашистские войска вторглись на территорию СССР, с двадцать второго июня, — с этой самой даты не было в стране человека, который не мечтал бы о том времени, когда нацисты будут отброшены назад и когда падет Берлин.

Позади были страшные бои на самых подступах к Москве. Позади был Сталинград, где гитлеровским полчищам переломили хребет, а вместе с тем и ход всей Великой Отечественной. Позади была Курская дуга и освобождение половины Европы от «коричневой чумы» — так стали называть фашизм и все, что с ним связано.

И теперь каждый понимал, что этой страшной войне близится конец. И каждый понимал, что война закончится, когда падет Берлин.

И вот Волгин смотрел на Берлин, распростершийся у его ног. Смотрел и не мог поверить, что он здесь.

Однако же карта, которую Волгин расстелил перед собой, неуклонно свидетельствовала: там, впереди, в нескольких кварталах отсюда, — рейхсканцелярия, где скрываются главари нацистской Германии.

Волгин вскинул бинокль и еще раз всмотрелся в здания напротив.

От рейхсканцелярии его отделяли какие-то сотни метров, но разглядеть саму рейхсканцелярию с этой точки было невозможно: ее укрывал остов полуразбитой и все еще дымившейся крыши.

Волгин взглянул на Павлова и сердито сдвинул брови, пытаясь не рассмеяться вместе с остальными.

— Значит, так, рядовой. Ты солдат или как?

— Солдат! — осветился улыбкой Павлов.

На вид ему никак нельзя было дать больше семнадцати, хотя, конечно, он был постарше. Из-под пилотки задорно выбивался непокорный чуб, по-детски ярко проступали веснушки на закопченном лице.

«Ребенок, — подумал Волгин и обвел глазами отряд. — Все они еще дети...»

Сказал же он следующее:

— Давай без самодеятельности, Павлов. Наша задача — быть в этой точке до авиаудара, — обратился Волгин уже ко всем. — По пути освобождаем территорию от окопавшихся фрицев. Тут на каждом шагу можно столкнуться с неприятелем. Будьте бдительны!

Последние слова были отнюдь не лишними. Берлин, казалось, опустел после первых мощных бомбардировок, и это могло породить ощущение, что опасности нет.

Но опасность подстерегала повсюду. И особая опасность таилась в этом ощущении мнимой безопасности. Тут можно наделать больших ошибок. А ошибка на войне — любая ошибка, даже самая маленькая — может стоить жизни. И не только твоей.

Простые пацаны, опьяневшие от мысли, что они уже в Берлине, что войне вот-вот конец, а еще можно просто так, голыми руками, взять самого фюрера, казалось, потеряли чувство контроля, и это очень беспокоило Волгина.

Тот же Павлов — он ведь, несмотря на молодость, был уже опытным бойцом. Прошел огонь и воду. А вот, поди ж ты, вдруг про мамку вспомнил и по-детски почувствовал себя так, будто ему все под силу.

Волгин вновь бросил суровый взгляд на Павлова.

— А что, товарищ капитан? — виновато насупился тот. — Берлин, считай, взяли. И фюрера возьмем.

— Возьмем.

Павлов вдруг извлек из кармана гимнастерки сложенный треугольником лист бумаги и шепнул:

— Не успел отправить. Это матери... Если что.

Он собирался сказать что-то еще, но Волгин, который суеверно не любил подобные разговоры перед заданием, перебил:

— Вернемся — отправишь, — он вновь махнул рукой в указанном направлении. — Вперед!

Павлов кивнул и, подхватив автомат, двинулся за остальными.

Миновали площадь, усыпанную обломками. Свернули на широкую улицу.

Отряд двигался вдоль стены. Волгин оглядывался по сторонам, пытаясь обнаружить, где могла притаиться опасность.

Вдруг он замер. Замерли и остальные — мгновенно, не дожидаясь команды.

Волгин показал на угол здания. Затем жестом объяснил: угол надо обойти. С обеих сторон. Солдаты беззвучно рассыпались по руинам.

Волгин и сам не знал, почему он остановился. Ничего подозрительного в этом здании не было. Справа и слева высились такие же.

Интуиция. За три года на фронте он научился доверять ей.

Он дождался, пока отряд взял в клещи руины, и первый перемахнул через обвалившуюся стену.

Интуиция его не обманула. Под проломленной стеной, наклоненной к другой и образовавшей нечто вроде укрытия, сидели четверо немцев.

— Хенде хох! — крикнул Волгин и швырнул для убедительности в сторону гранату.

Граната разорвалась, никого не задев.

Солдаты скрутили растерянных фрицев и мгновенно обезоружили. Павлов сорвал с немцев погоны. Волгин приказал вести их в расположение части: там разберутся.

И в этот момент раздался выстрел. Он прозвучал откуда-то сверху, и молоденький Титов, безусый парнишка, который так сильно переживал отсутствие растительности на лице, что отыскал однажды в развалинах добротную немецкую бритву и каждый день скоблил верхнюю губу и щеки в надежде, что щетина наконец-то проклюнется, этот самый Титов, вставший в проеме стены, мешком повалился наземь.

Волгин отчаянно махнул своим, те залегли. Ничего не понимающие немцы, сбитые с ног и распластавшиеся на кирпичах, испуганно вертели головами.

Волгин прополз по-пластунски к стене, достал из нагрудного кармана осколок зеркальца, бережно завернутый в тряпицу. Вложил его в ладонь и высунул руку наружу.

Зеркало отразило пустую улицу, дымящиеся руины.

С помощью зеркала Волгин изучал окна дома напротив, откуда, по его предположению, мог раздаться выстрел. Выбитые, без рам окна были пусты и безмолвны. Кладбище, а не дом.

Наконец Волгин заметил легкое движение на уровне четвертого этажа. Мимолетное. Но Волгин уже знал: именно за этим окном притаился снайпер.

— Ждите здесь! — кратко распорядился Волгин и исчез в развалинах.

Если исходить из устава, это было нарушение. Командир группы не должен подвергать свою жизнь

Вокруг уже грохотало, за стенами дома вздымалась к небу земля.

Мальчишка осторожно заглянул в подъезд, проверяя, нет ли кого, затем, удостоверившись, что путь открыт, помчался вверх по лестнице, на лице его отразились страх и удаль.

Избегая на третий этаж, он задержался, перекладывая короба в одну руку. Затем проворно, будто обезьянка, перебрался по скрюченным перилам над провалом и направился к неприметной двери.

Он влетел в комнатку с криком:

— Я принес!

И увидел распростертое тело. Короба выпали из рук, крышки открылись, патроны со звоном рассыпались по полу.

Мальчишка бросился к снайперу, обхватил руками, затряс безжизненное тело и закричал:

— Папа! Папа!

Но этого отчаянного, надрывного крика уже не было слышно. Был слышен только вой бомб и взрывы повсюду.

Самолеты шли низко, отбрасывая на ободранные стены зданий угольные тени. Вдалеке строчили зенитки.

Тем временем Волгин скомандовал отряду:

— Отходим!

— А рейхсканцелярия? — перекрикивая грохот, спросил Павлов.

— Отходим, я сказал! В укрытие!

Он указал на полузасыпанные обломками ступени, уводящие в подземный каземат — то ли переход, то ли вход в метро.

Рядом, ухнув, повалился дом. В воздух взметнулся густой столб пыли и пепла.

Солдаты подняли с земли оглохших немцев и стали толкать их за собой. Немцы не понимали, что про-

исходит, и только с ужасом приседали при каждом новом разрыве.

Павлов замыкал кавалькаду.

И тут в общем металлическом и каменном вое и реве он разобрал какой-то новый, живой звук.

Павлов оглянулся и увидел, как из недр рухнувшего дома, из задымленного подвала выбираются человеческие фигуры. Их было трое. Молодая всклокоченная женщина и двое детей — мальчик и девочка. Дети были совсем маленькие, не больше шести-семи лет.

Мать толкала их перед собой из ямы, а следом пыталась вытащить наружу пару набитых чемоданов. Чемоданы, в отличие от детей, были тяжелыми и все время съезжали в воронку.

Вокруг все пылало, черная пелена заволакивала пространство.

Дети кричали, женщина страшно ругалась на них и при этом плакала.

...Волгин у входа в подземный переход пересчитал бойцов. Были все, и еще четверо пленных немцев, вот только... Одного не хватало.

Он осмотрелся.

— Где Павлов? Павлов!

Солдаты растерянно переглядывались между собой.

Волгин помедлил мгновение и метнулся назад — в черное пространство, которое уже полностью затащило дымом. Повсюду крутились, извивались багровые языки огня.

В этом непроглядном мареве Волгин сначала услышал отчаянные крики, а потом, двинувшись на звук, увидел Павлова, который волок на себе девочку и обезумевшую женщину. Рядом, ухватившись за ручку чемодана и спотыкаясь, спешил растерянный мальчик.

Женщина отбивалась от Павлова, а тот изо всех сил старался ее утихомирить. Рядом, совсем близко, разорвался снаряд; женщина завизжала еще громче.

— Уймись, дура! — незлобиво прикрикнул на нее Павлов. — Детей напугаешь!

Волгин схватил в охапку детей; женщина замахнулась на него своей поклажей. Чемодан распахнул свой огромный зев, вещи рассыпались по земле. Женщина вновь разрыдалась.

— За мной! — скомандовал Волгин по-немецки.

Он двигался в дыму почти на ощупь. Казалось, среди бела дня наступила крошечная ночь. Земля сотрясалась от взрывов и стонала.

Волгин закрутился на месте, но внезапный порыв ветра будто раздвинул занавес, и все пятеро очутились на открытом месте посреди расступившейся дымовой завесы. До лестницы в подземный переход, откуда выглядывали свои, оставались считанные метры.

— Давай! — Волгин втолкнул в убежище детей. Павлов тем временем пытался совладать с сопротивляющейся женщиной. Она продолжала отбиваться чемоданами, роняя на ходу свою поклажу.

Волгин бросился на подмогу. Вдвоем они дотащили ее до входа.

— Ложки! Ложки! — завопила женщина на немецком.

Павлов развернулся и принялся собирать со ступеней рассыпавшиеся столовые приборы.

— Да вот твои ложки, успокойся! — он протянул женщине блеснувшую на солнце утварь и вдруг замер. Помедлив мгновение, сначала осел, потом скатился вниз по ступеням к подножию лестницы. Ложки запрыгали следом.

— Что ж ты наделал-то, а? — проговорил Волгин. Будто сам себе проговорил.

Мальчишка глядел на него снизу вверх и не понимал, что случилось.

Волгин посмотрел в окно, и ему показалось, что среди дыма он увидел птиц. Откуда здесь, в пылающем Берлине, было взяться сейчас голубям?

Но голуби летели — целая стая, взмывали все выше и выше, разгоняя крыльями дым. А за дымом было небо.

3. Это горькое слово — победа

Берлин — огромный, бескрайний город, который еще несколько дней назад пылал и корчился в последних конвульсиях страшной войны, — теперь был тих и почти безжизнен. По улицам неспешно бродили жители, собирая на развалинах сохранившийся скарб. Бои закончились, пора было думать о мирной жизни. Издалека неслась музыка, играл патефон.

Репродуктор со столба докладывал, что на отдельных участках фронта все еще происходят столкновения с недобитыми гитлеровскими подразделениями, но советские войска вкупе с союзниками скоро погасят последние очаги сопротивления.

Волгин сидел на груде битого кирпича и покусывал карандаш. На колене лежал планшет, на планшете — письмо Павлова матери, которое Волгин извлек из кармана рядового. Поверх письма лежал клочок бумаги с криво написанной датой — 5 мая 1945 года. Это было единственное, что смог пока написать Волгин.

«Уважаемая Мария Петровна, пишет Вам капитан Игорь Волгин, командир Вашего сына Юры», — начал он и вновь задумался.

На земле уже валялись несколько скомканных листков. Волгин поднял один из них и прочел:

«Уважаемая Мария Петровна, Ваш сын и мой товарищ рядовой Юра Павлов погиб смертью храбрых, героически спасая во время бомбежки немецкую семью. Он вытащил из-под огня женщину и двух маленьких детей, но сам пал от пули фашистского отряда. Я понимаю и разделяю ваше горе...»

Волгин поморщился. Перед лицом настоящей человеческой беды слова кажутся нелепыми и ненужными.

Павлов когда-то рассказывал, что остался у матери один: старший брат погиб в Финскую, а отец сгорел в танке под Новороссийском.

Улыбаясь своей открытой мальчишеской улыбкой, Павлов похвалялся, что подал документы в военкомат, не дожидаясь, пока ему стукнет восемнадцать. Мать, простая акушерка, горько плакала, узнав об этом. Но делать было нечего. Она провожала сына на вокзал и просила только об одном: чтобы он вернулся живым.

Волгин достал еще один листок.

«Дорогая Мария Петровна», — вновь начал он. Раздалось тяжелое шарканье по мостовой. Волгин оглянулся.

Мимо двигалась колонна пленных гитлеровцев. Побитые, с сорванными погонами; кто с кровоподтеками на лице, кто с забинтованной рукой, кто прихрамывающий. Кого-то, кто не мог идти сам, придерживали товарищи.

По обе стороны колонны двигались охранники в советской форме.

Гитлеровцы шли, опустив глаза. А прохожие, остановившись, глядели на них. И Волгин глядел.

Странное дело, в этот момент он не испытывал ярости или злости, а только усталость. И еще раздражение от того, что вот из-за этих людей он пишет и никак не может написать письмо матери погибшего солдата, никак не может подобрать нужные слова, да и есть ли такие слова? Все это — и недописанное письмо на коленке, и разрушенный Берлин, и горе, разлитое по всей земле, — из-за них и из-за миллионов таких же, как они. За что они сражались? Ради чего? Что принесла им эта война?

А пленные все шли и шли, и казалось, нет им конца. И никто из них не решался взглянуть на своих соотечественников, что стояли по обочинам дороги и молча провожали их взглядами.

Тяжелая поступь сотен ног отдавалась эхом среди полуразрушенных зданий. Мрачная музыка проигранной войны.

— Эх вы, — сказала вдруг старушка в порванном пальто и плюнула на землю.

— Товарищ капитан!.. — пробежавший мимо бравый лейтенантик остановился перед Волгиным. Он задыхался от бега и волнения и не с первого раза смог выговорить: — Товарищ капитан, Гитлера нашли!

Волгин даже не сразу понял, о чем речь. А когда понял, не поверил своим ушам.

Он запихнул бумаги в планшет и рванул за лейтенантом.

Навстречу им катили машины. У разбитого особняка стояла полевая кухня, к ней тянулась огромная очередь гражданских с кастрюлями и котелками. Усатый солдат черпал половником кашу и наполнял кастрюли доверху. Несколько голодных детишек ломали краюху хлеба, которую им про-

4. Пакет

Огромный холл старинного здания, чудом уцелевшего после бомбежек и артобстрелов, был озарен солнцем. Высоченные старинные потолки, по углам отделанные резным деревом, забранные в чуть вылинявшую от времени материю стены, казалось, хранили память об ушедших эпохах. Сводчатые окна с наклеенными бумажными полосками были запылены; полоски не успели отодрать после войны. Из окон внутрь помещения падали огромные лучи света, играя бликами тусклого паркета.

Холл был полон. Повсюду стояли столы, нескончаемые ряды столов, заполненных бумагами и папками; за столами восседали люди в советской военной форме, а вокруг роились просители.

Просителей было очень много: и молодые, и старые. Женщины с аккуратно собранными в прическу волосами, крепкие парни на костылях или без руки, пожилые дамы с ридикюлями. Кто-то плакал, раскладывая бумаги перед клерками, кто-то жестикулировал и быстро говорил на немецком; в сторонке шумно играли дети, и уставшая секретарша пыталась отыскать их родителей.

Волгин схватил перо и стал писать на листе бумаги.

— Вот и правильно, — оживился старичок, — вы им все, как надо, напишите!

— Идемте, — распорядился Волгин.

Широким шагом он пошел по залу, паркет жалобно поскрипывал под его до блеска надраенными сапогами. Старичок припустил следом, сжимая в руках потрепанный портфель.

— Вы все правильно написали?

Волгин заглянул за перегородку, где трещали пулеметными очередями пишущие машинки. Несколько машинисток немедленно уставились на него, в их глазах вспыхнул интерес.

— Надо напечатать, — сказал Волгин, покрутив в воздухе бумагой.

— Сюда, — позвала хорошенькая машинистка и улыбнулась Волгину ярко-красными, в помаде, губами.

Волгин положил перед ней лист.

— Вы опять со мной вчера не поздоровались, товарищ капитан, — сказала машинистка. — И сегодня тоже.

— Добрый день, — невозмутимо ответил Волгин. — Напечатайте, пожалуйста, в двух экземплярах...

— В двух? — со значением переспросила машинистка и посмотрела на собеседника таким взглядом, что ничего не понимающий по-русски старичок-бухгалтер, закашлявшись, опустил глаза.

Пробегавший мимо военный хлопнул Волгина по плечу:

— Вот ты где! Тебя майор вызывает.

Волгин кивнул и обернулся к машинистке:

— Напечатаете и на подпись. — Он стремительно удалился, пока машинистка не успела ничего прибавить.

— Это будет правильная бумага? — отчаянно завопил ему вслед старичок.

— Правильнее некуда! — перекрикивая дробь пишущих машинок, ответил Волгин и исчез за высокой узкой дверью.

— Разрешите, товарищ майор?..

Хозяин кабинета, майор Бабленков, седоватый, но при этом все еще моложавый и крепкий, стоял у огромного окна и глядел на распахнувшийся перед ним город. Невдалеке на обугленном куполе рейхстага реял красный флаг.

Не оборачиваясь, Бабленков помахал рукой — входи! — и глубоко затянулся «Беломором». В воздухе возник и растаял клуб белого дыма.

— Цацкаемся с ними, кашкой их кормим, — раздраженно выпалил Волгин, продолжая думать про старичка-бухгалтера, — а они что у нас натворили?..

Бабленков такому обороту не удивился.

— Они и у себя натворили, — задумчиво проговорил майор. — Ничего. Все поправится. Только время нужно...

— Я уже не верю, — признался Волгин.

— Ну, это ты зря, капитан.

— У меня после всего того, что случилось, веры в человечество не осталось.

Бабленков усмехнулся и долгим внимательным взглядом посмотрел на Волгина.

— У тебя брат есть? — вдруг спросил Бабленков.

Волгин с тревогой взглянул на майора.

— Так точно. В 1942-м пропал без вести...

Майор подошел к столу и, порывшись в бумагах, извлек пухлый пакет.

— Вот. На твою полевую почту пришло. Нам переслали.